

С.С. Глаголев

Материя и дух

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.С. Глаголев**
Материя и дух / С.С. Глаголев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 183 с.

ISBN 978-5-458-56342-0

ISBN 978-5-458-56342-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

будутъ разрушать все существующее на землѣ и всецѣло предвидѣть ихъ дѣйствіе и тѣмъ болѣе предотвратить ихъ всегда будетъ невозможно. Имѣя для себя враговъ въ неорганической природѣ и животномъ мірѣ, человѣкъ, наконецъ, находитъ ихъ и въ людяхъ. „Воры подкапываютъ и крадутъ“. Подкопы бываютъ не только буквальные, но и метафорическіе и красть можно не только золото, но и честь. Такъ благополучію человѣка постоянно угрожаютъ природа, животныя и самъ человѣкъ. Понятно что вслѣдствіе этого благополучіе человѣка никогда не можетъ быть полнымъ. Сознаніе что счастье въ концѣ концовъ непремѣнно разстроится или вслѣдствіе естественнаго хода событій или неожиданно, всегда будетъ омрачать счастье. Для того, чтобы стать совершенно счастливымъ въ настоящемъ, человѣку нужно перестать думать объ опасностяхъ будущаго. Такимъ счастьемъ, надо полагать, наслаждаются животныя. Но св. Писаніе указываетъ совсѣмъ другой путь для истиннаго счастья. Нужно собирать сокровища на небѣ. вмѣсто того, чтобы заботиться объ усиленномъ питаніи, нужно поститься; вмѣсто того, чтобы собирать имѣніе, нужно его раздавать и вмѣсто того, чтобы искать помощи у людей, нужно просить ее у Бога. Нужны постъ, милостыня, молитва. Сокровища, пріобрѣтенныя этими средствами не могутъ быть никогда и никѣмъ отняты у человѣка.

Но есть ли это небо, о которомъ говорилъ Господь и гдѣ никогда не обезцѣниваются сокровища духа? Говоримъ: сокровища духа. Молитва есть всецѣло дѣло духа, но и постъ и милостыня предоставляютъ собою побѣду духа надъ плотію, надъ влеченіями плотскаго эгоизма. Земля, на которой теперь протекаетъ жизнь человѣчества, представляетъ собою царство матеріи, и тотъ, кто всѣ свои помыслы сосредоточилъ на этой жизни и стремится лишь къ благополучію земному, тотъ является всецѣло почитателемъ культа матеріи. Наоборотъ, тотъ, кто стремится къ пріобрѣтенію необезцѣниваемыхъ сокровищъ неба, стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Для того, чтобы вѣрить въ небо, нужно вѣрить въ правду, въ торжество добра, въ торжество духа. Нужно вѣрить, что человѣкъ нѣкогда высвободится изъ-подъ злой матеріальной власти, изъ-подъ власти природы неодушевленной, природы животной, изъ-подъ власти темныхъ ин-

стинктовъ. Нужно вѣрить, что тѣ, которые пали жертвою темной земной власти, возродятся нѣкогда для блаженной жизни духовной. Вообще для того, чтобы послѣдовать призыву нагорной рѣчи, нужно стоять на спиритуалистической точкѣ зрѣнія; для того, чтобы отвергать призывъ Господа, нужно слѣдовать материалистическому мировоззрѣнію.

Чему послѣдовать? Уже давно нѣкоторые мыслители начали высказывать соображенія, что лучше вѣрить въ небо т. е. въ Бога, чѣмъ не вѣрить. Вѣрящій человекъ ничего не теряетъ, но его вѣра успокаиваетъ въ несчастіяхъ жизни, смягчаетъ горести и лишения, устраняетъ безнадежность и отчаяніе, укрѣпляетъ руки опускающіяся въ борьбѣ. Невѣріе лишаетъ чувства безопасности и счастливаго человека; вѣра изгоняетъ страхъ и изъ сердца того, кто уже оказался въ дѣйствительной опасности. Однако эти соображенія издавна многимъ казались необъдательными. Вѣра требуетъ жертвъ, но приносить ихъ имѣютъ охоту очень немногіе. Вѣра требуетъ лишеній, нерѣдко за ея исповѣданіе приходится страдать и все это во имя какого-то загадочнаго и въ сущности сомнительнаго наступленія царства правды, царства духа. Человекъ живетъ въ матеріальномъ мірѣ и хотя бы и не абсолютное и не вѣчное, но ограниченное и временное, зато несомнѣнное благополучіе въ этомъ мірѣ естественно предпочитать и ставить выше, чѣмъ вѣчное блаженство въ царствѣ духа, которое непонятно и можетъ быть никогда не наступить.

Издrevле люди колебались между противоположными рѣшеніями вопроса о тлѣнныхъ и нетлѣнныхъ сокровищахъ. Религіозная исторія человечества показываетъ, что въ общемъ люди всегда вѣрили въ Бога, въ правду, въ мздовоздаяніе, въ духовность и неуточжимость существа человека. Недаромъ вѣрованія древнихъ народовъ и современныхъ некультурныхъ племенъ нерѣдко характеризуютъ словомъ „анимизмъ“, обозначающимъ вѣру въ духовъ, вообще, въ духовъ умершихъ людей. Но не мало имѣется данныхъ, показывающихъ, что еще на зарѣ культуры въ сердца людей стало закрадываться сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нужно заботиться о добродѣтели и не лучше ли постараться просто урвать отъ жизни, что только можно. Уже въ псалмахъ говорится: „въ надменіи своемъ нечести-

вый пренебрегаетъ Господа; „не възъщеть“; во всѣхъ помыслахъ его: нѣтъ Бога!“ (Псал. 9, 25; ср. 13, 1; 52, 2). Эта точка зрѣнія, которую Библія разсматриваетъ какъ нечестивую и къ которой относится порицательно, существовала не въ одной Палестинѣ. Оказывается, ея придерживались въ разныя времена мыслители самыхъ различныхъ народовъ съ крайняго востока до крайняго запада.

Съ крайняго востока китайскій философъ Янь-чжу разсуждалъ такимъ образомъ: „Всѣ считаютъ Шуна, Юй, Чжоучуна и Конфуція людьми всего болѣе достойными удивленія (за ихъ добродѣтели), а императоровъ Цзѣ (куя) и Чжоу (синя) злодѣями..... Названные четыре мудреца въ теченіе своей жизни не посвятили ни одного дня удовольствіямъ, а по смерти стяжали себѣ славу, которая не помрачится во вѣки. Но эта слава не есть что-либо осязаемое дѣйствительно. Прославляйте, награждайте ихъ, они не сознаютъ этого. Ихъ слава для нихъ самихъ тоже, что для пня или куска земли. Цзѣ (куй) былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ, возсѣдалъ на императорскомъ тронѣ, былъ настолько уменъ, что могъ презрительно относиться къ людямъ стоявшимъ ниже его; былъ настолько грозенъ, что могъ приводить въ трепетъ имперію; онъ услаждался тѣмъ, что веселило слухъ и зрѣніе: онъ всегда исполнялъ то, что приходило ему на мысль. Окруженный блескомъ онъ приблизился къ смерти. Онъ жилъ роскошнѣе и шире всѣхъ. Чжоу (синь) также былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ; возсѣдалъ на императорскомъ тронѣ; его (грозное) величіе всѣми признавалось, и его волѣ всѣ оказывали повиновеніе; онъ давалъ волю своимъ страстямъ, пренебрегая дѣлами правленія, и проводилъ долгія ночи, предаваясь удовольствіямъ; онъ не омрачалъ себя мыслию о правилахъ истиннаго долгаго (образа поведенія). Окруженный блескомъ онъ приблизился къ смерти. Онъ позволялъ себѣ болѣе всѣхъ другихъ смертныхъ. Эти два злодѣя въ теченіе своей жизни услаждались, исполняя свои желанія, а по смерти прославились, какъ (примѣры) глупости и жестокости. Но, вѣдь, дѣйствительнаго наслажденія не можетъ дать добрая слава. Будутъ ли порицать или хвалить ихъ, они уже не сознаютъ этого. Ихъ безславіе для нихъ самихъ тоже, что для пня или куска земли. Четырѣмъ мудрецамъ всѣ удивляются, но

ихъ жизнь была горька, а ихъ удѣломъ была смерть; двухъ злодѣевъ всѣ порицають, но ихъ жизнь была полна удовольствій, а ихъ удѣломъ была также смерть“.

Мысль о такомъ безразличіи удѣла праведныхъ и неправедныхъ привела Янь-чжу къ слѣдующимъ практическимъ выводамъ. „Сто лѣтъ крайній предѣлъ долголѣтности и изъ тысячи человѣкъ едва ли одинъ достигаетъ его. Положимъ, человѣкъ живетъ сто лѣтъ. Дѣтство и старость отнимають одну половину жизни, а страданія, болѣзни, печали, огорченія, утраты, безпокойство и страхъ другую. Остается какихъ-нибудь 10 лѣтъ, да и въ теченіе ихъ едва ли выпадаетъ для человѣка одинъ часъ веселаго самодовольства, неомраченнаго безпокойствами. Къ чему же человѣку жизнь? Какое въ ней удовольствіе? Положимъ, пріятно употреблять вкусную пищу и носить хорошую одежду, пріятно тѣшить слухъ музыкою, а взоры впечатлѣніями красоты, но, вѣдь, эти удовольствія не могутъ нравиться постоянно человѣку и надоедаютъ. Существуютъ запреты подѣ страхомъ казни и ограниченія законовъ, побужденія наградами и (славою) имени, все это заставляетъ человѣка безостановочно гоняться за мимолетною и пустою похвалою, стремиться къ пріобрѣтенію посмертной славы, съ крайней осторожностію относиться къ тому, что видятъ глаза и слышатъ уши, постоянно наблюдать за правильностію своихъ поступковъ и мыслей; такимъ образомъ человѣкъ проводитъ годы безъ удовольствій и ни на минуту не можетъ быть совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. — Чѣмъ же отличается онъ отъ узника, скованнаго по рукамъ и ногамъ? Древніе люди, понимая какъ быстротечна жизнь и какъ скоро приходитъ смерть, повинувались влеченію своего сердца, спѣшили пользоваться представлявшимися удовольствіями, услаждались согласно своимъ естественнымъ склонностямъ, не придавали цѣны похвалѣ и не заботились о посмертной славѣ, старались только не дѣлать того, что заслуживало бы наказанія, а о томъ, — пріобрѣтутъ они славу или похвалу, будутъ ли первыми или послѣдними, проведутъ ли долгую или короткую жизнь, не думали. Все живущее представляетъ различіе, пока живетъ, а по смерти дѣлается одинаковымъ. Между людьми мы различаемъ умныхъ и глупыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, но люди умершіе,

всѣ одинаково представляютъ вонючую гниль, подвергающуюся разложенію, тлѣнію, —таковъ общій удѣлъ... Ни жизнь, ни (естественная) смерть человѣка не въ его власти, и не отъ него зависитъ быть умнымъ или глупымъ, знатнымъ или незнатнымъ (по рожденію). Всѣ родившіеся подвергаются смерти—умный и глупый, знатный и незнатный, умираютъ десятилѣтній и столѣтніе, добрътельные и злодѣи, мудрые и глупцы. При жизни это были Яо и Шунь, а по смерти это не болѣе, какъ гнилыя кости. При жизни это были Цзѣ (куй) и Чжоу (синь), а по смерти это не болѣе, какъ гнилыя кости. Кто могъ бы сдѣлать различіе между ихъ гнилыми костями? Поэтому пока мы живы, будемъ спѣшить пользоваться жизнью,—развѣ есть время думать о томъ, что будетъ по смерти“.

Если съ крайняго востока двигаться по направленію къ западу, то на пути встрѣтится Индія—страна грезъ вообще, религіозныхъ въ особенности. Но и въ этой странѣ мистицизма и аскетическихъ упражненій видимъ уже съ глубокой древности развиваются матеріалистическія доктрины. Такова атеистическая философія системы Санкія, но еще болѣе такова философія Бригаспати. Съ именемъ философа Бригаспати соединяется ученіе карвакасъ, т. е. невѣрующихъ или настикасъ, названіе, которое можно перевести на современный языкъ словомъ нигилистъ. Ихъ ученіе „локай-ата“ единственнымъ авторитетомъ признаетъ чувства. Элементы міра суть земля, вода, огонь и воздухъ. Въ этомъ мірѣ богатство и наслажденіе составляютъ идеаль человѣка. Никакого другого міра не существуетъ. Смерть есть конецъ всего. Индійцы вообще противоплавали душу тѣлу, какъ нѣчто особенное. Карваки отрицали существованіе души, какъ самостоятельнаго начала. Они говорили, что душа не есть вещь въ себѣ, а есть тоже тѣло, что тѣло воспоминаетъ и размышляетъ, хотя и видятъ, что это тѣло гниетъ и разлагается, какъ бы никогда не существовало. Для объясненія происхожденія души изъ тѣла карваки прибѣгали къ аналогіи. Они указывали, что опьяняющая сила возникаетъ отъ смѣшенія нѣкоторыхъ веществъ, которыя сами по себѣ не заключаютъ въ себѣ ничего опьяняющаго. М. Мюллеръ приводитъ слѣдующіе стихи карваковъ, соединяя ихъ со своими разсужденіями.

„Имѣются четыре элемента: земля, вода, огонь и воздухъ,
И только этими четырьмя элементами производится разумъ,
Подобно опьяняющей силѣ кіюа и т. д. смѣшанныхъ вмѣстѣ.—
Такъ какъ „я жиренъ“, „я худъ“—эти атрибуты пребываютъ въ
одномъ субъектѣ
И такъ какъ „жирность“ и т. д. присуща только тѣлу,
То только оно одно и есть душа, а не что другое,
И такія фразы, какъ „мое тѣло“ имѣютъ значеніе только
метафорическое“.

Такимъ образомъ, для нихъ душа, повидимому, обозначаетъ тѣло, одаренное атрибутомъ разума и потому предполагалась уничтожающейся вмѣстѣ съ тѣломъ. Держась такого мнѣнія, они, понятное дѣло, должны были видѣть высочайшую цѣль человѣка въ чувственныхъ наслажденіяхъ и признавали страданіе просто, какъ неизбежнаго спутника удовольствія. Цитируется такой стихъ:

Удовольствіе происходящее у человѣка отъ соприкосновенія съ
чувственными объектами,
Не должно цѣниться, какъ сопровождаемое страданіемъ—таково
предостереженіе глупцовъ;
Плоды богаты вкуснѣйшими зёрнами—
Какой человѣкъ, понимающій свой истинный интересъ, отвергнетъ
ихъ, потому что они покрыты шелухой и пылью.

Изъ всего мы видимъ, что система Карвака—хотя основные ея философскіе принципы и были развиты—была по своимъ свойствамъ скорѣе практической, чѣмъ метафизической, откровеннымъ ученіемъ утилитаризма и грубаго гедонизма. Очень жаль, что всѣ подлинныя книги этихъ философовъ-материалистовъ потеряны, такъ какъ онѣ позволили бы намъ поглубже заглянуть въ древнюю исторію индійской философіи, чѣмъ мы можемъ заглянуть при помощи учебниковъ шести дарсанасъ, на которые главнымъ образомъ мы и должны полагаться. Слѣдующіе стихи, сохранные Мадхавой въ его „Извлеченіи“, почти все, что намъ извѣстно изъ ученія Бригаспати и его послѣдователей.

Огонь горячъ, вода холодна и воздухъ чувствуетъ холодъ—
Какъ создано такое различіе, мы не знаемъ, потому что оно должно
происходить отъ ихъ собственной природы.

Самому Бригаспати приписываютъ слѣдующіе стихи:

Нѣтъ ни рая, ни освобожденія и конечно нѣтъ „Я“ въ другомъ
 мірѣ;
 Нѣтъ актовъ Asrama (стадій жизни) или кастъ производящихъ
 награду
 Agnihorta, три веды, три жезла (которые носили аскеты) и
 вымазываніе себя пепломъ,
 Все это манера жизни, устроенная творцомъ (Dhatri—творецъ здѣсь
 употреблено иронически вмѣсто svabhava—природа) для людей,
 лишенныхъ ума и мужества.
 Если жертва, убитая Gyotishtoma идетъ на небо,
 То почему бы не пойти туда и собственно его отцу, убитому тамъ
 жертвоприносителемъ?
 Если жертва staddha доставляетъ удовольствіе существамъ
 умершимъ,
 Тогда давать viaticum людямъ странствующимъ здѣсь на землѣ,
 было бы бесполезнымъ,
 Если пребывающіе на небесахъ получаютъ удовольствіе отъ
 приношеній,
 То почему не давать пищу здѣсь людямъ, пока они тамъ наверху?
 Пусть человѣкъ, пока онъ живетъ, будетъ счастливъ, а послѣ
 займа денегъ пусть онъ пьетъ Ghee.
 Какъ можетъ возвратиться тѣло, когда оно стало прахомъ?
 Если тотъ, кто оставилъ тѣло, идетъ въ другой міръ,
 То почему онъ снова не возвращается, привлекаемый любовью
 своихъ родныхъ?
 Почему погребальныя обряды приписываются браманами,
 Какъ средство къ жизни,—ничего другого и неизвѣстно никому.
 Три составителя Ведъ были глупы, плуты и демоны.
 Слова пайдитовъ столь же непонятны, какъ Gaghrari Turphari
 Неприличный актъ (принесеніе въ жертву коня) совершается
 царицей,
 Провозглашенный плутами, а также и другія вещи.
 „Вда мяса также предписана демонами“¹.

Двигаясь изъ Индіи далѣе на западъ, мы встрѣчаемъ Египеть. О глубокой религіозности египтянъ, о ихъ заботахъ о своей посмертной участи много говорили со временъ Геродота. Но вотъ, что мы находимъ на одномъ надгробномъ памятникѣ. „О мой братъ, мой другъ, мой мужъ, говоритъ надпись отъ лица погребенной подъ памятникомъ женщины, ѣшь, пей, опоражнивай кубокъ жизни, люби и

¹ М. Мюллера--шесть сиемъ индѣйской философіи. Перев. Николаева. 1901 г. стр. 91—94.

празднуй праздники. Пусть всегда будут исполняться твои желанія и скорбь никогда не войдетъ въ твое сердце, пока ты на землѣ. Ибо Аментъ (область умершихъ) есть страна глухого сна и мрака, жилище скорби для пребывающихъ въ немъ. Они спятъ въ своихъ безтѣлесныхъ формахъ, они не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не знаютъ болѣе ни отца, ни матери, ихъ сердце не стремится ни къ женѣ, ни къ дѣтямъ. Каждый насыщается водою жизни, лишь я одна испытываю жажду. Вода полезна для живущихъ на землѣ; гдѣ нахожусь я, тамъ самая вода даетъ мнѣ жажду. Съ тѣхъ поръ, какъ я вступила въ эту область, я не знаю, гдѣ я нахожусь. Я плачу о водѣ, которая падаетъ оттуда сверху. Я скорблю о вѣтрѣ, который дуетъ на берегу рѣки и который освѣжилъ бы мое скорбное сердце. Здѣсь живетъ Богъ, имя которому совершенная смерть. Онъ призываетъ къ себѣ cadaго, и каждый идетъ къ нему, трепеща его гнѣва. Для него имѣютъ мало значенія и боги и люди, великіе и малые, всѣ кажутся равными предъ нимъ. Всякій боится обращаться къ нему съ мольбою, такъ какъ онъ никого не слушаетъ, никто не хвалитъ его, такъ какъ онъ вовсе не является благодѣтельнымъ для тѣхъ, кто его почитаетъ. Онъ не взираетъ ни на какія жертвы, которыя ему предлагаютъ“. Всѣ эти метафорическія описанія Амента, очевидно—описанія небытія.

Что матеріализмъ очень рано явился у родоначальниковъ европейской культуры грековъ, извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ китайскія и индійскія матеріалистическія сентенціи. Въ первый разъ матеріализмъ рѣшительно выступаетъ въ системахъ Левкиппа и Демокрита (V в. до Р. X.), но именемъ атеиста названъ въ первый разъ, кажется, Діагоръ Милосскій. О немъ рассказываютъ, что въ началѣ онъ писалъ диэирамбы въ честь высшаго Духа и судьбы, но потомъ обманутый въ имущественныхъ дѣлахъ, онъ безусловно пересталъ вѣрить въ Провидѣніе. Когда въ доказательство существованія Промысла ему указали въ Самоеракіи на огромное количество приношеній, сдѣланныхъ богамъ Кабирамъ спасшимися отъ кораблекрушенія, онъ сказалъ: „но какъ бы велико было ихъ число, если бы ихъ могли принести и всѣ тѣ, которые погибли“. Атеистами Сектъ Эмпирикъ называетъ далѣе Протагора и Продика (софисты, въ

сущности скептики), Эвгемера (его теорія: боги обожествленные послѣ смерти люди,—цари, законодатели), Теодора киренскаго. Позднѣ атеистомъ называютъ Стратона изъ Лампсака, но безспорнымъ атеистомъ этой эпохи является Эпикуръ (342—270 до Р. Х.). Задача философіи у него ограничивается изысканіемъ средствъ для достиженія личнаго благополучія (*μακαρίως ζῆν*—блаженной жизни). Такимъ средствомъ служить правильное познаніе (что все въ мірѣ происходитъ естественно), освобожденіе отъ суевѣрій, отъ безумныхъ опасеній боговъ и надеждъ на нихъ. Эпикуръ далъ атомическую теорію міра и допустилъ, что существуютъ и боги, но что только они не вмѣшиваются въ теченіе міровыхъ вещей,—почему еще въ древности говорили, что Эпикуровы боги существуютъ лишь для того, чтобы спасти его отъ мщенія разъяренной толпы. Лукрецій Каръ (99—55 до Р. Х.) въ своей поэмѣ „*De rerum natura*“ пропагандировалъ атеизмъ на латинскомъ языкѣ. Ничто не происходитъ изъ ничего и ничто не совершается по волѣ боговъ. Всѣ явленія суть сложеніе и разложеніе атомовъ, изъ каковыхъ атомовъ состоитъ и духовная природа человѣка. Распаденіе ихъ есть смерть души, загробной жизни нѣтъ, жизнь дана намъ не въ собственность, а только въ пользованіе. Лукрецій заключаетъ собою исторію древняго атеизма, и его поэма доселѣ еще является чѣмъ-то въ родѣ катехизиса у атеистовъ. Въ новое время послѣ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ религиозныхъ движеній XVI—XVII в.в. чистый атеизмъ является во Франціи въ XVIII в. Рѣшительнымъ и циничнымъ проповѣдникомъ атеизма выступаетъ здѣсь Ламетри, и полную и прямолинейную систему атеизма даетъ Гольбахъ (1723—1789) въ своей *systeme de la nature* (вышла въ тысяча семьсотъ семидесятомъ году съ именемъ Мирабо, и подлинный авторъ долго былъ неизвѣстенъ). Въ природѣ по Гольбаху существуетъ только движущаяся разнородная матерія. Однѣ массы передаютъ движеніе другимъ, и этимъ различіемъ комбинацій движенія матеріи обуславливается жизнь міра. Движеніе производится матеріей, но такъ какъ причины многихъ движеній ускользаютъ отъ насъ, то мы пазвали причину подобныхъ движеній въ человѣкѣ душою, въ природѣ Богомъ. Но на самомъ дѣлѣ совокупность душевныхъ способностей, кото-

рую мы называемъ душою, есть только особый родъ дѣятельности тѣла. Матерія дѣйствуетъ на мозгъ, измѣненія въ мозгу суть наши мысли и чувства. Страсти суть отталкивательныя и притягательныя движенія къ вреднымъ и полезнымъ предметамъ. Воля есть измѣненіе въ состояніи мозга, приводящая въ движеніе внѣшніе органы. Свободы воли нѣтъ, потому что свободными могутъ быть названы поступки совершающіеся независимо ни отъ какихъ мотивовъ, а такихъ поступковъ не можетъ быть. Цѣль cadaго существа и всѣхъ существъ самосохраненіе — жизнь и притомъ пріятная, т. е. исполненная удовольствій. Удовольствія доставляются намъ нашей дѣятельностью, согласно съ индивидуальной природой. Человѣку поэтому естественно искать блага и избѣгать зла, Богъ здѣсь не при чемъ и Его не существуетъ. Атеисты послѣдующаго времени въ сущности ничего не прибавили къ системѣ Гольбаха. Фейербахъ (1804—1872), можно сказать, дополнилъ ее съ отрицательной стороны, давъ беспощадную критику христіанской религіи и предложивъ атеистическую теорію происхожденія религіи (эгоистъ хочетъ вѣчнаго блаженнаго существованія, а фантазія рисуетъ ему образъ блаженной жизни и условія ея достиженія, —отсюда —религія). Фохтъ, Бюхверъ и Молешотъ въ терминахъ новаго естествознанія повторили ученіе Гольбаха. Въ послѣднее время матеріализмъ усилился въ формѣ политическаго ученія, которое борется противъ спиритуалистическихъ воззрѣній, какъ освящающихъ будто бы социальное и экономическое неравенство.

Но освящаетъ ли самъ матеріализмъ равенство и правду? Онъ не освящаетъ, не оправдываетъ и не запрещаетъ ничего. Если матеріалистическая точка зрѣнія вѣрна, то тогда у матеріализма будетъ достоинство. Оно заключается въ томъ, что онъ предостерегаетъ отъ увлеченія химерами, онъ намѣчаетъ дѣйствительныя, реальныя блага. „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Кор. 15,32; срав. Исаи 22,3). Поэтъ, слушавшій пѣвицу идеалистическихъ піесей и вдохновившійся матеріалистической философійю, говорилъ:

Распѣвала она объ обѣтахъ любви;
 О свиданіи послѣ разлуки
 Въ томъ невѣдомомъ мірѣ далекихъ небесъ,
 Гдѣ стихаютъ всѣ скорби и муки;